

В. А. ЭНГЕЛЬСОН

Посвящение книги «Анархия»

Мой друг, Вы, вероятно, без труда отгадаете, что юноша, к которому я обращаю мою речь, — никто иной, как сам автор. Была минута, когда я готов был на самом себе исполнить совет, который даю ему: пистолет был уже заряжен, душа моя была так же мрачна, как природа — вьюга, полумрак, ветер и стужа. В эту минуту мне случайно попала на глаза одна из Ваших полных бодрости, дышащих силою статей «О дилетантизме в науке», напечатанная в журнале, который редактировал наш незабвенный Белинский¹. Я читал эту статью с юношески бьющимся сердцем, затаив дыхание, потому что здесь была для меня новая жизнь; затем, я отыскал Ваши предыдущие статьи, начал сам размышлять о затронутых в них вопросах — и забыл о моем плане самоубийства. Спасибо Вам за это, дорогой друг! Как желал бы я, чтобы эти страницы, хотя бы и в гораздо меньшей мере, оказали подобную услугу Вам, т. е. заставили Вас хоть на минуту забыть удручающие Вас заботы!

Быть может, иной читатель удивится, встретив рядом с Вами еще одного «красного русского» на поприще немецкой литературы. Может быть, он даже примет нашу красноту за румянец стыда, т. е. подумает, что мы похожи на тех школьников, которые вне класса ведут себя между своими товарищами тем буйнее, тем более — как говорится — брыкаются, чем более чувствуют, что товарищи имеют право упрекать их за чрезмерное благонаравие в классе, под ферулой учителя. К сожалению, однако, русским в настоящее время не за что краснеть ни перед немцами, ни перед французами; опыт последних лет показал, что эти народы только

с виду дальше подвинулись на пути свободы, чем мы; о братьях Джон Буле и Янки² этого нельзя сказать.

Причина нашей красноты весьма проста: мы красны потому, что мы — доньне ничтожное меньшинство — отrekliсь от деспотизма и, верные духу нашего народа, создавшего пословицу: «середка на половине» (что на середине, то половина), не можем остановиться на *juste-millieu*³. Если мы, быть может, лучше других сознаем ничтожность писанного права, это объясняется еще и тем обстоятельством, что наше правительство яснее, чем доньне прочие правительства, доказывает нам призрачность закона, представляющего собою, говоря вульгарно, лишь голубой дым (чернильных испарений). Царь не хочет дать нам никаких прав: ну что ж! подумаем, так ли уж они важны и нельзя ли прожить кое-как и без них.

Принято думать, что в общественной жизни русские — коммунисты; я же проповедую безусловный индивидуализм. И это объясняется теми же причинами, которые не позволяют нам быть конституционалистами: легче перейти из одной крайности в другую (ибо, как известно, *les extrêmes se touchent**, чем из середины между обеими, на которой стоит феодально-римская Европа, дойти до какого-либо из этих полюсов.

Но наглядно показать европейскому читателю, как легко эмансипируется наш брат, как тут нужен только один — первый — шаг, потому что в нашей стране нет и намека на какие-нибудь правовые институты, — это умеете Вы одни, Вы, которые впервые в своем лице и своих произведениях показали европейцам красную Россию. Для этого я жду от Вас лишь нескольких очерков из Вашей жизни в ссылке⁴, и именно с целью некоторым образом побудить Вас к этому, я открыто посвящаю Вам свою работу, а вовсе не для того, чтобы пред кем бы то ни было сделать Вас ответственным за ошибки и погрешности, которые могут оказаться в ней; это было бы с моей стороны изменою исповедуемому мною принципу индивидуализма.

Я спокойно беру на себя риск быть пригвожденным к позорному столбу за мой образ мыслей как аристо-, так и демократами. Обе эти партии мне почти равно чужды, т. е. непонятны. В первой я не понимаю упорства, с каким она держится за привилегии, которые не только оспариваются у нее, но и несомненно — как

* Крайности сходятся (*фр.*).

она уже и сама видит — сами собой исчезнут. Говоря Вашими словами из «С того берега», я не понимаю, как можно находить удовольствие в том, чтобы «грабить нищих и на глазах умирающих с голода доводить еду до обжорства». Неужели такая жизнь может доставлять наслаждение? А если нет, зачем насильственно продолжать ее? Впрочем, — и на это Вы обратили мое внимание — так называемая теперь аристократическая партия состоит собственно не из аристократов, а из буржуа. Настоящая аристократия не дрожала так скупой и жадной над своим добром; в ночь 4 августа она обнаружила свое рыцарское благородство, спокойно и с достоинством, без задержки, вернув то, чего больше не желали оставлять за нею; не довела дела до того, чтобы ее оскорбили насильем и вырвали у нее ее привилегии⁵. Русский более склонен к мотовству, чем к скупости; мелочный расчет ему противен — он предпочитает промотать свои деньги.

В демократах мне странен способ, которым они надеются достигнуть своей цели. Мне кажется, что теперь, совершенно так же, как в эпоху Конвента, они в итоге лишь упрочивают и сильнее централизуют то, что они стремятся разрушить. Какой смысл имеют, например, эти непрестанные толки о национальности и национальной независимости?

Русский многое сделает, да и сделал, для национальности и национальной независимости, но никогда он не примет ее за важнейшее. Ему в сущности безразлично, намывается ли эксплуатирующий его господин барон фон Штокпрюгель или генерал Кулаков⁶: часто даже соплеменный хозяин является худшим деспотом, чем иноземный. Поэтому русский и свободен от закоренелых национальных антипатий и симпатий и прилежно изучает немецкий, как и французский, французский, как и английский. Если национальность — не нечто неотчуждаемое, а нечто такое, что всегда нужно ревниво охранять, чтобы оно не утратилось, то не стоит и труда хранить ее*. А для русского важно одно: не быть эксплуатируемым ни Штокпрюгелем, ни Кулаковым.

Для него также безразлично, назван ли он в одном из бесчисленных законов, которые издаются для него, но которых он и не знает и не имеет охоты знать, так как твердо уверен в том,

* Да и во всех странах, при образовании национального могущества, национально-гордыми являются преимущественно высшие слои, а не низшие, служащие лишь удобрием для гордости знати.

что — с законами, или без них — он все равно будет управляться по прихоти своих повелителей, — назван ли он, говорю я, в одном из этих законов «крепостным» или «обязанным»; он не предпочитает одно другому, потому что он хочет быть *своим собственным*. Точно так же министру государственных имуществ приходится у нас поистине солоно, когда он, как утверждает Гакстгауэзен, силится привить народу «правовое сознание»⁷. Известный жевневский деятель был, по-моему, вполне прав, когда выразился в Вашем присутствии, как Вы передавали мне, что объяснить русскому, что такое закон — вещь совершенно безнадежная⁸. Русская солдатская песня в следующих словах поясняет, что понимает народ под «законным порядком»:

Царь наш православный
Не любит брать насильно,
Берет добровольно —
Наступив на горло.

И признаюсь, я вполне согласен с г. Romieu⁹, когда он говорит в своем *Spectre rouge*, что слова Бланки: «У кого железо, у того и хлеб» — самая глубокая истина, какая была высказана за последние 60 лет.

А если так, — возразят мне, — то почему же в России всё остается по-старому? Потому, что русский до сих пор не может прийти в себя — стоит и по привычке чешет за ухом, сбитый с толку ловкой шуткой, которую сыграл с ним Петр I. Но время — советчик, или, вернее, хороший совет приблизит урочное время — то время, когда, опомнившись, он соберется с силами, и тогда — сторонись с пути Европа!.. Тебе нечего бояться, старая дева, что Россия пойдет по твоей дороге: со времен Геродота скифы не были склонны к завоеваниям и никогда не станут такими, что бы ни делало антинациональное правительство, потому что мы не алчны, не имеем ни орлиных, ни ястребиных носов и вообще не похожи на хищных птиц; мы кротки и миролюбивы, пока нас не заденут. А если — тогда берегись, благосудная Германия, берегись еще раз осчастливить нас сворой Голштейн-готторпских, Ангальт-цербстских и прочих потентатов и заступаться за потомков Тевтонского ордена и меченосцев¹⁰.

Пусть эта твердая вера в нашу будущность даст Вам силу, дорогой друг, перенести страдания текущего дня, как бы жестоки они ни были. Пусть снова раздастся твоя героическая песнь,

как назвал твои произведения Мишле¹¹ — и если в твоём голосе будут слышны новые слезы, слезы, которые мы вместе с тобой льём о нашей дорогой Наталии¹² — тем глубже проникнет он не в сердце изменнически льстящего тебя Гервега, а в сердца искренно и верно любящих тебя русских.

Генуя, 13 июля 1852.

